

Лазарева Виктория Александровна

Университет г. Салерно,
Италия, 84084, пос. Фиццано, ул. Джованни Паоло II, 132
vlazareva@unisa.it

Иванова Елена Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.y.ivanova@spbu.ru

Тавтологии *X corula X* в болгарском языке в свете корпусных данных: лексика, грамматика, вариантность

Для цитирования: Лазарева В. А., Иванова Е. Ю. Тавтологии *X corula X* в болгарском языке в свете корпусных данных: лексика, грамматика, вариантность. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (4): 576–598.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.403>

В статье на материале сплошной выборки из Болгарского национального корпуса рассматривается реализация в болгарском языке тавтологической формулы *X corula X*. Основные задачи данного исследования заключаются в установлении основных групп лексики, которые могут заполнять переменную *X* в конструкции *X corula X* в болгарском языке; в выявлении соотношенности между типом лексики и семантикой конструкции; в определении роли модальной частицы *си*, присутствующей в значительной части тавтологических примеров. Установлено, что наличие модальной частицы *си* имеет конструктивно значимый характер, определяющий существование в болгарском языке двух вариантов тавтологических конструкций, а именно: включающих частицу *си* (*X си е X*) и без нее (*X е X*). Сопоставление обоих вариантов болгарских тавтологий ведется в лексико-семантическом, грамматическом и дискурсивном плане. Прослежены закономерности в лексическом наполнении тавтологической формулы, а также связи между семантическим типом опорного слова, способом толкования конструкции и частотностью ее употребления. Выявлены грамматические характеристики обоих вариантов формулы, синтаксические и дискурсивные контексты их функционирования. В работе доказывается, что именно первый вариант (с «индикативной» частицей *си*) имеет значение несомненности, неоспоримости суждения, которое является необходимой и основной составляющей тавтологии *X corula X* в разных языках, что проявляется в его лексических характеристиках и грамматических свойствах. Показано, что данная конструкция отличается значительно большей, чем модель без частицы *си*, степенью воспроизводимости, которая коррелирует с высокой степенью клишированности. Модель *X е X* представляет собой свободную конструкцию, по которой строятся предложения таксономической характеристики с тождественными лексическими компонентами. Это составляет существенное, в структурно-семантическом и прагматическом плане, отличие данной модели от тавтологий вида *X си е X*, где определенная категориальная принадлежность *X*-а входит в пресуппозицию высказывания.

Ключевые слова: тавтологии, лексическая семантика, модальная частица, корпусное исследование, болгарский язык.

* Благодарим анонимных рецензентов за ценные критические замечания и предложения.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Введение

Объектом настоящего исследования являются болгарские тавтологические конструкции биноминативной структуры *X corula X*. Данные построения, издавна привлекающие интерес исследователей разных направлений, в формальной логике трактуются как логически истинные бессодержательные формулы. В естественном языке информативность конструкций с лексической тавтологией главных составляющих не ставится под сомнение, хотя высказываются возражения в правомерности определения их как тавтологий. Эти колебания находят отражение в употреблении термина *тавтология* в кавычках [Булыгина, Шмелев 1997: 444; Wierzbicka 1987; Hoidas, Galani 2012], в аппроксимативных номинациях типа *псевдотавтология* [Апресян 1995: 166], *квазитавтология* [Ковалева 2010], а также в выделении разных типов тавтологий: *чистых* [Тулина 1970: 247]; *глубинных* (*deep tautologies*) [Bulhof, Gimbel 2001]; *механических vs. интерпретирующих* [Иевлева 2002: 37, 54]; *метаязыковых; языковых vs. логических* [Miki 1996, Вилинбахова, Копотев 2017: 121].

Но основная дискуссия, развернувшаяся в лингвистике вокруг данного типа построений, связана с разрешением того противоречия, которое возникает между замкнутой структурой тавтологической формулы и потенциальной многозначностью выводимых из нее импликаций. В рамках этой дискуссии были предложены различные способы осмысления данных конструкций. То, что толкование тавтологий задействует разные языковые уровни, не вызывает возражений, однако исследователи по-разному оценивают роль прагматических и семантических факторов в этом процессе, в связи с чем выделяются два противоположно ориентированных (радикальных) подхода — прагматический [Грайс 1985: 229; Levinson 1983; Ward, Hirschberg 1991] и семантический [Wierzbicka 1987]. Здесь мы не будем излагать основные положения данных подходов, критический обзор которых проводился неоднократно (см., напр.: [Fraser 1988; Gibbs, McCarrell 1990; Rhodes 2009; Hoidas, Galani 2012; Вилинбахова, Копотев 2017]). В настоящей работе мы придерживаемся «гибридного» подхода, согласно которому осмысление тавтологий вовлекает семантический, прагматический и синтаксический уровни анализа [Gibbs, McCarrell 1990; Miki 1996; Autenrieth 1997 и др.], см. также раздел 1.

Несмотря на впечатляющее количество работ по тавтологиям на материале разных языков, имеются еще не до конца исследованные зоны в области формального их устройства (на лексико-семантическом и грамматическом уровнях) и вариативности конструкции — как в отдельном языке (в частности, в болгарском), так и в соотносении с разными вариантами формулы в других языках. Развитие корпусных технологий позволяет уделить большее внимание доказуемости формально-семантических связей, на которые обратила внимание А. Вежбицкая [Wierzbicka 1987], и верификации глубинных (пусть не всегда системных) закономерностей¹.

¹ В рамках «радикально семантического» подхода Вежбицкой постулируется связь между формальными параметрами модели (тип входящего имени, морфологические признаки — число, определенность/неопределенность, грамматическая форма связки — время, наклонение) и ее семантическим толкованием. Системность установленных автором корреляций между структурными и семантическими паттернами оказалась уязвимой для критики (см., напр.: [Fraser 1988: 217; Meibauer 2008: 443]).

В нашем исследовании мы ставили перед собой следующие задачи:

- 1) выявить основные группы лексики, которые могут заполнять переменную X в составе тавтологии $X \text{ copula } X$ в болгарском языке;
- 2) установить возможную соотнесенность между типом лексики и семантической конструкцией;
- 3) определить конструктивную роль частицы *си* (этимологически связанной с *си* 'себе' — краткой формой дательного падежа возвратного местоимения), регулярно, но не всегда, появляющейся в тавтологической формуле. Участие/неучастие частицы *си* формирует два варианта болгарской формулы: $X \text{ си } e X$ и $X e X$ (где e — форма 3-го лица настоящего времени связочного глагола *съм* 'быть'). Требуется выявить отличие вариантов с частицей *си* и без нее как на лексико-семантическом, так и на грамматическом уровне.

Материал исследования представляет собой полную выборку из Болгарского национального корпуса² (общий объем корпуса 1,2 млрд слов), включившую 4955 вхождений модели $X \text{ си } e X$ и 865 вхождений модели $X e X$. Поисковая задача предполагала:

- 1) учет артиклевых показателей в стандартном для болгарского языка варианте $X_{def} (si) e X_{\emptyset}$;
- 2) ограничение составляющей X только одиночными существительными (поскольку синтаксическое расширение группы может менять ее артиклевую маркированность), и только именами нарицательными, так как имена собственные специфическим образом реализуются в тавтологиях³;
- 3) поиск с учетом всех времен связочного компонента.

Учитывались также примеры со вспомогательным глаголом *бъда* 'быть' в составе будущих времен; в тексте работы во всех случаях записи формулы для краткости используется лишь глагольная форма e .

Анализ лексического, семантико-прагматического и структурного уровней организации тавтологий, основные результаты которого будут представлены в данной статье, основан на предварительной гипотезе о том, что в болгарском языке прототипическая биноминативная конструкция вида $X \text{ copula } X$ имеет два значимо различающихся варианта реализации, причем эта вариативность тавтологической формулы коррелирует с наличием или отсутствием модально-удостоверяющей частицы *си* как одного из структурно обязательных компонентов конструкции. Частица *си* в болгарском языке полифункциональна [Иванова, Петрова 2017: 93–99], но из всех ее функций особо отметим две (именно они, как мы увидим далее, реализуются в тавтологиях):

- 1) частица *си* способна привносить значение «присущности», «неизменности признака или неизменности положения дел»: *Тя така си се облича*. — «Она [всегда] так одевается» (это присущий ей стиль); *Тя си е мълчалива*. — «Она молчаливая» (такова она по характеру), ср. *Тя е мълчалива*. — «Она молчалива» (в данный момент или таков ее характер);

² Български национален корпус. <http://dcl.bas.bg/bulnc/> (дата обращения: 18.09.2018).

³ О тавтологических формулах с именами собственными см.: [Лазарева 2017: 182–201].

- 2) частица *си* способна придавать значение индикативности ('как известно, *P* истинно'), представляя суждение как очевидное, не подлежащее сомнению, ср. удостоверяющий комплекс *не что иное, как* в русском переводе: *Това си е кражба на държавно имущество*. — «Это **не что иное, как** кража государственного имущества» [Там же: 94–95].

Как мы покажем далее, именно благодаря частице *си* в тавтологии реализуется значение несомненности, неоспоримости суждения, которое является неременной смысловой составляющей конструкции *X copula X* в разных языках, ср.:

Не ограничиваясь утверждением, что индивид или члены категории, обозначенной именем, имеют соответствующие свойства, конструкция представляет эти свойства как неизбежные и неизменные. Это значит, что будет вполне обоснованным перефразировать *boys are boys* как *boys necessarily have the properties of boys* ('мальчики с необходимостью обладают свойствами мальчиков') [Rhodes 2009: 3].

В разделе 1 будут представлены статистические данные, показывающие, какие группы лексики обнаруживают предпочтение к употреблению в каждой из формул, будут также прослежены закономерности и связи между семантическим типом опорного слова, семантико-прагматическими характеристиками конструкции и частотностью ее употребления. В разделе 2 предположение о существовании в болгарском языке двух конструкций (*X си е X* и *X е X*) проверяется по ряду грамматических параметров и дискурсивным характеристикам, которые демонстрируют оба варианта тавтологий. Затем будут предложены основные выводы, вытекающие из этого сопоставления.

1. Лексические и семантико-прагматические характеристики моделей *X си е X* и *X е X*

Как было отмечено выше, осмысление тавтологий опирается на три взаимодействующих параметра: семантический, прагматический и синтаксический. Представляется, что значимость и иерархия данных параметров при толковании тавтологий будет не одинаковой для разных употреблений. Полагаем, что она определяется степенью конвенциональности общего знания, закрепленного за опорным словом, без обращения к которому осмысление тавтологии оказывается невозможным [Лазарева 2019]. В рамках разных лингвистических направлений это конвенциональное знание определяется по-разному: коннотации [Апресян 1995: 166], «мысленное досье» [Булыгина, Шмелев 1997: 505], концепт [Иевлева 2002], в англоязычной литературе говорится об общем, или разделенном, знании (shared knowledge), стереотипном значении/знании (stereotypical meanings/knowledge) [Gibbs, McCarrell 1990: 128; Miki 1996: 636; Meibauer 2008: 443 и др.].

Конвенциональное знание основано на закреплённости общеизвестных признаков (ассоциаций), связанных с тем или иным словом. Этот набор ассоциативных признаков мы далее будем называть **(ассоциативно-)признаковым кластером**. Предполагается, что в процессе коммуникации реципиент способен вывести актуальные в конкретной ситуации импликации благодаря содержащейся в его знании и общеизвестной для данного языкового коллектива комбинации ассоциа-

тивных признаков, характерных для этого объекта. Тем не менее то, какое именно свойство *X*-а будет актуализировать говорящий как основное, выявляется в каждом конкретном случае. Это свойство может быть эксплицировано в контексте: (1) *Животът си е живот, едновременно нищожен и скъпоценен.* — «Жизнь есть жизнь, одновременно ничтожная и драгоценная», — или остается имплицированным, допуская варианты толкования: (2) *Мъжът си е мъж!* — каза тя уклончиво. — «Мужчина есть мужчина — сказала она уклончиво».

Важно отметить, что степень конвенциональности общего знания может варьировать: чем менее конвенциональны сущности, тем менее очевидны возникающие в связи с ними ассоциации и тем сильнее контекстная обусловленность высказывания. Напр., импликации, возникающие в связи с выражением *Войната си е война.* — «Война есть война» в целом понятны, а выражение *Нафталинът си е нафталин.* — «Нафталин есть нафталин» обязательно требует контекстного расширения: (3) *Нафталинът си е нафталин, но достатъчно е филмът да започне и ние забравяме за «изкуствения» сняг.* — «Нафталин — это всего лишь нафталин, но достаточно фильму начаться, и мы забываем об “искусственном” снеге». В этом смысле считается, что тавтологии могут выразить любые импликации [Падучева 2004: 106].

Далее с опорой на статистические данные мы продемонстрируем, как степень конвенциональности общего знания влияет на способ осмысления конструкции⁴. При этом важнейшей нашей задачей является обнаружение значимых различий между двумя вариантами базовой формулы *X copula X* в болгарском языке: 1) *X си е X* и 2) *X е X*.

1.1. *X си е X*

Итак, первый вариант тавтологической формулы включает модально-удостоверяющую частицу *си*. Статистический анализ имеющейся выборки позволил выявить лексические предпочтения для замещения позиции *X* в формуле *X си е X*. В табл. 1 показаны наиболее частотные лексемы, составляющие верхние строки выборки.

Наиболее употребительными в тавтологиях оказываются имена с непредметным значением (*факт, бизнес, минало, работа, закон, истина*), составляющие 56,2% от общего количества употреблений модели *X си е X*. Наблюдения об активности непредметной лексики сделаны и на материале тавтологий других языков, напр. русского [Тулина 1970: 243] и английского [Gibbs, McCarrell 1990].

Наше исследование показало, что тавтологии высокой степени воспроизводимости неоднородны по признаку контекстной обусловленности. Иными словами, роль прагматического фактора в процессе их осмысления неодинакова и регулируется большей или меньшей степенью конвенционализации знания, закрепленного за опорным словом: чем определеннее, или уже, признаковый кластер, тем выше

⁴ Ключевая роль данного фактора в процессе декодирования тавтологических высказываний была показана Р. Гиббсом и Н. Мак-Карреллом, которые на основе экспериментальных данных установили, что общее знание (stereotypical knowledge) определяет степень приемлемости конструкции: чем устойчивее стереотипный образ объекта, тем меньше трудностей возникает у реципиента при ее толковании [Gibbs, McCarrell 1990].

Таблица 1. Лексемы высших рангов в конструкции *X си е X*

Ранг	Лексема	Число вхождений
1	<i>факт</i>	332
2	<i>бизнес</i>	165
3	<i>минало</i> 'прошлое'	147
4	<i>работа</i>	136
5	<i>закон</i>	124
6	<i>истина</i>	105
7	<i>сделка</i>	100
8	<i>заповед</i> 'приказ'	89
9	<i>война</i>	86
10	<i>обещание</i>	63
11	<i>смърт</i> 'смерть'	50
12	<i>жена</i> 'женщина', 'жена'	42
13	<i>шега</i> 'шутка'	42
14	<i>сторено</i> 'сделанное'	41
15	<i>убийство</i>	39
16	<i>дълг</i> 'долг'	37
17	<i>любов</i>	35
18	<i>право</i>	33
19	<i>победа</i>	29
20	<i>приятелство</i> 'дружба', 'приятельство'	27
21	<i>служба</i>	27
22	<i>дума</i> 'слово'	26
23	<i>престъпление</i> 'преступление'	25
24	<i>сигурно</i> 'надежное', 'обеспеченное'	24
25	<i>традиция</i>	24
26	<i>човек</i> 'человек'	21
27	<i>мъж</i> 'мужчина', 'муж'	20

степень воспроизводимости конструкции и меньше контекстная обусловленность, и наоборот: неопределенность, слабая степень конвенционализации (открытость признакового кластера) снижает степень воспроизводимости конструкции, увеличивая роль прагматического фактора. На основании параметра большей или

меньшей конвенционализации признакового кластера в ряду наиболее частотных лексем, участвующих в образовании тавтологий, можно выделить следующие подгруппы.

1. Лексемы с четко определенным, закрытым признаковым кластером. Лексемы высоких рангов частотности *факт* (332 употребления) и *истина* (105) по своему значению согласуются с общим значением очевидности и непреложности, заложенным в конструкции, и формируют высказывания, интерпретационный потенциал которых ограничен и контекстно необусловлен: 'с истиной/фактами трудно спорить', напр.: (4) *Би ми харесало да поспорим по въпроса, но истината си е истина.* — «Я бы хотел поспорить на эту тему, но истина есть истина». При тавтологиях, включающих лексемы с семантикой необратимости, роль частицы *си* с ее значением очевидности и непреложности заключается лишь в дополнительном подчеркивании этого значения. Далее мы увидим, что как раз этот тип лексем допускает варьирование формулы с *си* и без *си*, см. пример (23) в разделе 1.2. Представляется возможным рассматривать данные построения как чистые тавтологии, в понимании Т. А. Тулиной [Тулина 1970: 249], т. е. не требующие дальнейшего раскрытия в силу общепринятого понимания термина.

2. Лексемы с определенным, но ограниченным, узуальным, предсказуемым признаковым кластером. Большинство лексем высших рангов частотности в нашей выборке — это абстрактная и отглагольная лексика, которая представлена именами, связанными с правовыми, морально-этическими и социальными нормами, регулирующими жизнь общества (*закон, право, заповед, обещание, долг* и др.). В семантике данных слов содержится прескриптивный компонент, который и определяет значение модальных тавтологий об устройстве мира и общества, именуемых также «тавтологиями долженствования» (*tautologies of obligation*) [Wierzbicka 1987: 107]. В болгарском языке частица *си*, введенная в формулу, подчеркивает, что ситуация очевидна и суждение не подлежит сомнению: (5) *Дългът си е дълг, независимо от всичко останало.* — «Долг есть долг, независимо от всего остального». Поскольку общий смысл конструкции совпадает с конвенциональным (лексическим) значением опорного слова, лишь в единичных случаях при данных тавтологиях было отмечено раскрытие очевидного имплицитного смысла: (6) *Законът си е закон, всички трябва да го спазват.* — «Закон есть закон, все должны его выполнять»; (7) *А заповедта си е заповед, трябва да се изпълнява.* — «Но приказ есть приказ, его нужно исполнять».

Семантически с этими лексемами соотносятся имена действий, предполагающих взаимные обязательства и регулирование социальных и деловых отношений (*бизнес, служба, сделка, работа, přátельство*): (8) *Службата си е служба, работата все някой трябва да я върши.* — «Служба есть служба, работу все равно кто-то должен выполнять».

При общей предсказуемости значения семантика предписания и обязательств имеет определенную амплитуду варьирования, которая в более широком контексте реализуется в границах от оправдательного значения до примирения с негативными явлениями действительности.

Оправдательность реализуется через импликация 'не я решаю', 'от меня не зависит', 'ничего нельзя поделать': (9) *Не че искам да ви оскърбя, но бизнесът си е бизнес.* — «Я не хочу вас оскорбить, но бизнес есть бизнес».

Значение примирения с действительностью [Николина 1984: 45] — в иной терминологии «трезвое/реалистичное отношение к событиям жизни», «терпимость», «принятие» [Wierzbicka 1987: 105–106; Падучева 2004: 104], «принятие/смирение» (acceptance/resignation) [Rhodes 2009: 3], «толерантность», «фаталистические тавтологии» (tolerance, fatalistic tautologies) [Farghal 1992] — объясняет частотность таких лексем в нашей выборке, как *смърт*, *война*, *живот*. Напр.: (10) **Смъртта си е смърт**, независимо от причината. — «Смерть есть смерть, независимо от причины». Таковы же и субстантивированные причастия *минало* ‘прошлой’, *сторено* ‘сделанное’, которые, попадая в формулу, поддерживают значение неотменимости совершённого, ушедшего: (11) *Ех, ако имахме само още час светлина, можехме... Но стореното си е сторено*. — «Эх, если бы у нас был еще хотя бы час света, мы бы могли... Но что сделано, то сделано (букв. ‘сделанное есть сделанное’)».

До сих пор рассматривались примеры с абстрактной лексикой, образующей наиболее частотный класс тавтологий, связанный с выражением примирительного отношения к действительности, к социальным и природным законам жизни как следствию неизбежности и необратимости ее частных проявлений. Значение данных конструкций в меньшей степени определяется контекстом и в большей — конвенциональным лексическим значением опорного слова. При этом не исключается, как было показано, прагматическое варьирование в узко заданном интервале.

3. Лексемы с неопределенным, слабо конвенционализированным, открытым признаковым кластером. В эту группу входят имена неодушевленных предметов и части одушевленных, которые, по нашим наблюдениям, чаще всего употребляются в тавтологиях о сохранении категориальных признаков. Частица *си* здесь акцентирует значение «присущности», «неизменности» признака: (12) *Дали ще го наречеш прозорец, „фенетр“, или Кападокия... прозорецът си е прозорец!* — «Как ни назови окно — “фенетр” или “Кападокия”... окно остается окном». В силу неопределенности конвенционального знания, связанного с опорным словом, имплицитруемые такими тавтологиями смыслы, как правило, выстраиваются не на основе какого-либо свойства категории *X*, а на основе эмоциональной оценки общих свойств данной категории. При этом различное ценностное отношение говорящего к свойствам *X*-а может восстанавливаться только благодаря контексту.

Аксиологическая составляющая более обычна в контексте возражения, несогласия; ср., напр.:

1) высокая оценка:

(13) *Шараните винаги са ми били слабост, макар че някои не ги обичат, защото намирисвали на тиня. Не е точно така. Шаранът си е шаран, особено ако е добре приготвен.* — «Карпы всегда были моей слабостью, хотя многие их не любят, потому что они, мол, пахнут тинной. Это не совсем так. Карп есть карп, особенно если хорошо приготовлен»;

2) нейтральная, усредняющая оценка:

(14) *Негово величество каза, че това бил много специален кон — и въобще не мога да разбера защо. Конят си е кон, нали?* — «Его величество сказал, что это была очень особенная лошадь, я вообще не могу понять почему. Лошадь она и есть лошадь, не так ли?»;

- (15) *Но списъкът си беше списък — като всички други по света. — «Но это был список как список, подобно всем другим».*

Значение присущности индивидуальных категориальных признаков, вообще говоря, можно считать ингерентным для прототипической модели $X \text{ copula } X$. В болгарском языке частица *си*, попадая в эту формулу, акцентирует значение неизменности, сохранения индивидуальных признаков и, будучи структурообразующим компонентом, открывает возможность для высокой воспроизводимости конструкции, допуская лексемы со слабо конвенциализированной семантикой. Особенно четко значение присущности индивидуальных категориальных признаков проявляется при включении тавтологий в противопоставительные и уступительные контексты — свойство, уже отмечавшееся в лингвистической литературе [Шмелев 1960; Булыгина, Шмелев 1997]. Так, в противопоставительных контекстах, организованных по принципу структурного параллелизма ($X \text{ си } e X$, $a/ама Y \text{ си } e Y$), подчеркивается индивидуальность категориальных признаков X -а и Y -а:

- (16) — *Моля вие да не се смущавате от онова, което се е случило между вашата дъщеря и мене, господин Хаджиспасов <...> «Харесвам такива хора! — каза си Стамат. — **Любовта си е любов, търговията си е търговия**»... — «Прошу вас, пусть вас не смущает то, что произошло между вашей дочерью и мной, господин Хаджиспасов. <...> Нравятся мне такие люди! — подумал Стамат. — Любовь любовью, а торговля торговлей».*

Акцентированное противопоставление объектов и ситуаций может активизировать и аксиологическую составляющую, как при симметричной (пример (17)), так и при ассиметричной структуре высказывания, когда только в одном из сегментов содержится тавтология, как в примерах (18)–(19). Замечено, что вторая часть конструкции предстает как более значимая с точки зрения говорящего [Булыгина, Шмелев 1997: 313–314]:

- (17) *Китарата винаги е с нас, защото **рискът си е риск, но животът си е живот** и трябва да гледаш весело на него. — «Гитара всегда с нами, потому что риск риском, но жизнь — это жизнь, и нужно весело смотреть на нее»;*
- (18) *Добрите чувства и старото приятелство бяха безспорно факт, обаче **бизнесът си беше бизнес**. — «Добрые чувства и старая дружба, безусловно, были фактом, но бизнес был бизнесом»;*
- (19) *Защото **дарбата си е дарба, ама трябва и знание, казва той**. — «Потому что талант талантом, но нужно и знание, говорит он».*

1.2. $X e X$

Как было показано в разделе 1.1, для первой модели ($X \text{ си } e X$) наиболее частотные пласты лексики представлены именами, содержащими прескриптивный компонент. В этом отношении две рассматриваемые конструкции демонстрируют существенные отличия. В формуле $X e X$ лексемы высших рангов семантически слабо упорядочены, см. табл. 2.

Таблица 2. Лексемы высших рангов в конструкции X e X

Ранг	Лексема	Число вхождений
1	<i>сторено</i> 'сделанное'	83
2	<i>човек</i> 'человек'	48
3	<i>минало</i> 'прошлое'	41
4	<i>станало</i> 'случившееся'	32
5	<i>факт</i>	29
6	<i>живот</i> 'жизнь'	17
7	<i>казано</i> 'сказанное'	13
8	<i>любов</i>	13
9	<i>мъж</i> 'мужчина', 'муж'	12
10	<i>писано</i> 'написанное'	11
11	<i>бяло</i> 'белое'	10
12	<i>ден</i> 'день'	10
13	<i>истина</i>	9
14	<i>свобода</i>	9
15	<i>черно</i> 'черное'	9
16	<i>добро</i>	8
17	<i>цар</i> 'царь'	8
18	<i>война</i>	7
19	<i>нощ</i> 'ночь'	7
20	<i>син</i> 'сын'	7
21	<i>вода</i>	6
22	<i>време</i> 'время'	6
23	<i>жена</i> 'женщина', 'жена'	6
24	<i>закон</i>	6
25	<i>направено</i> 'сделанное'	6
26	<i>небе</i> 'небо'	6
27	<i>долар</i> 'доллар'	5
28	<i>дума</i> 'слово'	5
29	<i>клетва</i> 'клятва'	5
30	<i>реалност</i> 'реальность'	5
31	<i>бизнес</i>	4
32	<i>българин</i> 'болгарин'	4

Особенно обращает на себя внимание низкая активность лексики, содержащей прескриптивный компонент и определяющей правила поведения. Так, если в модели $X\text{ си }e\ X$ для лексем *бизнес, закон, работа* зафиксировано 165, 124, 136 вхождений соответственно, то в модели $X\ e\ X$ — это единичные или нулевые результаты (4, 6 и 0 вхождений).

Анализ примеров в выборке показал, что толкование конструкции $X\ e\ X$ не связано с прагматическим расширением семантики опорного слова за счет импликатур. Тавтологии без *си* — это в основном предложения об эталонном представителе класса X с имплицитным модальным компонентом ' X — настоящий, должный X '. Одна из основных импликаций в них сводится к указанию на необходимость воспринимать X как X и никак иначе, т.е. должным образом (как в положительном, так и в отрицательном смысле). Как правило, говорящий прибегает к таким тавтологиям с тем, чтобы подчеркнуть дискретность признаков определенного класса объектов, очертить его границы. При этом наполняющие формулу лексемы могут быть как предметного, так и непредметного содержания, ср.:

- (20) *Птицата е птица, разсъждаваме ние, и следователно не може да е човек.* — «Птица — это птица, рассуждаем мы, и, следовательно, не может быть человеком»;
- (21) *Художникът е художник, останалото е само усвояване на занаята и въпрос на личност.* — «Художник — это художник, остальное — лишь освоение ремесла и вопрос личности»;
- (22) *Ислямът не може да бъде умерен или неумерен, ислямът е ислям, е подчертал премиерът.* — «Ислам не может быть умеренным или неумеренным, ислам — это ислам, подчеркнул премьер».

Эти данные, полагаем, можно интерпретировать в свете уже упомянутого свойства модели $X\ e\ X$: эта конструкция не предполагает расширения семантического потенциала входящих лексем за счет прагматического обогащения. Очевидным образом, предизируя дискретность признаков объекта, тавтологии вида $X\ e\ X$, в отличие от $X\text{ си }e\ X$, не могут выражать и полярную (положительную или отрицательную) оценку.

Обратим внимание на некоторую область пересечения между двумя рассматриваемыми формулами. В табл. 2 среди лексем высших рангов частотности обнаруживаются субстантивированные причастия *сторено, минало, станало*, а также лексема *факт*, т.е. слова с ограниченным и четко определенным, закрытым признаковым кластером, объединенные семантикой необратимости и непреложности. Именно в сочетании с данным типом лексем отмечается семантическое сближение двух конструкций, которые могут взаимозаменяться при выражении вынужденного примирения с действительностью: (23) *Неудобно е някак, но фактът (си) е факт: бирата е с няколко века по-стара от Исус Христос.* — «Как-то неловко, но факт остается фактом: пиво несколькими веками старше Иисуса Христа». Частица *си* в таких употреблениях усиливает значение необратимости, бессмысленности обсуждения очевидного, которое, вообще говоря, задано уже самим лексическим компонентом.

Что касается других общих лексем, занимающих верхние позиции в статистических таблицах обеих конструкций (напр., *човек, любов, мъж* и др.), то синтаксиче-

ские контексты их употреблений обнаруживают существенные отличия, о которых речь пойдет ниже, в разделе 2. Мы покажем, что только вариант без *си*, как в примере (24), может вступать в отношения обусловленности, ср.:

- (24) *Човекът е човек, когато танцува.* — «Человек является человеком, когда танцует»;
- (25) *Човекът си е човек, а аз от собствен опит зная колко жалка може да бъде понякога човешката природа.* — «Человек есть человек, а я по своему опыту знаю, какой жалкой иногда может быть человеческая природа».

2. Грамматические и дискурсивные характеристики конструкций *X си е X* и *X е X*

В данном разделе ставится задача установить, обладают ли модели, выделенные в разделе 1, специфическими грамматическими свойствами и дискурсивными характеристиками. Мы протестируем их по следующим параметрам: форма глагольного компонента, утвердительный/неутвердительный статус пропозиции, способность вступать в обуславливающие связи, а также кратко рассмотрим особенности включения каждой модели в текст.

2.1. *X си е X*

2.1.1. Форма глагольного компонента.

Формула *X си е X* характеризуется значительными ограничениями на употребление всех времен, кроме настоящего (см. далее сводную для обеих формул табл. 3). Это связано с тем, что данная модель имеет афористичный характер и ей свойственна вневременная отнесенность.

В основном используется настоящее время (94,97%), причем не в актуальном, а в расширительном значении. Из прошедших времен зафиксирован только имперфект (4,9%), однако, как правило, в ретроспективном повествовании: (26) *Веднъж със самолета си покосих половин рота англичани и нищо не почувствувах, войната си беше война.* — «Однажды на своем самолете я скосил полроты британцев и ничего не почувствовал, война есть (буквально: была) война».

Употребление будущего времени не характерно, и это вполне ожидаемо, поскольку согласуется с такими семантическими составляющими конструкции *X си е X*, как непреложность и необратимость имплицитируемых признаков. Зафиксировано лишь по одному примеру положительной формы будущего и будущего в прошедшем в гипотетическом контексте:

- (27) *За социалистите нещата идват по местата — БСП ще управлява държавата изцяло в следващите 4 години, а опозицията ще си е опозиция.* — «Для социалистов все встает на свои места — БСП будет полностью управлять страной в последующие 4 года, а оппозиция так и останется оппозицией»;
- (28) *Той наистина не би искал да устройва никакво зрелище за целия екипаж. Двамата с Тим биха могли да уредят разправата между себе си. Победителят*

щеше да си бъде победител, а победеният победен, щяха да се здрависат накрая и да забравят всичко. — «Он действительно не хотел бы устраивать никаких зрелищных представлений для всего экипажа. Они с Тимом могли бы уладить конфликт между собой. Победитель был бы победителем, а побежденный — побежденным, они бы в конце поздравили друг друга и всё забыли бы».

Зафиксированы и единичные примеры с формами, маркированными по эвиденциальности, а именно с репортативами⁵. Все четыре примера (об условиях их употребления в нашей выборке см. в разделе 2.1.4) содержат омонимичную форму *X си бил X* (пересказывательное настоящее / имперфект). Пример пересказывательного настоящего (47) приведен далее, а в примере (29) представим единственный в выборке отчетливый пример пересказывательного имперфекта: (29) *Но и тогаз още бизнесът си бил бизнес.* — «Но и в те времена бизнес уже был бизнесом».

2.1.2. Утвердительный/неутвердительный статус пропозиции

Вариант *X си е X* предусматривает прежде всего утвердительный контекст. Так, в выборке из 4955 примеров полностью отсутствуют отрицательные предложения, а вопросительные по форме высказывания составляют 1 % примеров. Все они представляют собой удостоверяющие вопросы, как правило с постпозитивными маркерами вопроса и апелляции к общему знанию (о них см. и в разделе 2.1.3): (30) *Масата си е маса, не е ли така?* — «Стол он и есть стол, разве не так?»; единично представлены примеры без вопросительных частиц с тем же удостоверяющим значением, напр.: (31) *Свободата си е свобода?* — «Свобода есть свобода [не так ли]?»

2.1.3. Включенность/невключенность в обуславливающие связи

Для данной модели не свойственно вступать в отношения логической обусловленности в качестве суждения, подлежащего обоснованию (**Бащата си е баща, защото.* — «*Отец есть отец, потому что...»). Наоборот, сама модель *X си е X* часто выступает с причинно-аргументирующим значением: (32) *Не ми каза нищо, а аз не я попитах, защото обещаето си е обещание.* — «Она ничего мне не сказала, но и я ни о чем ее не спросил, потому что обещание есть обещание». Это связано с тем, что данная формула представляет некоторое утверждение как не подлежащее обсуждению и потому способна служить «маркером закрытия темы» [Тулина 1970; Levinson 1983; Wierzbicka 1991; Вилинбахова 2016].

Модель *X си е X* способна также присоединять синтаксически и/или семантически подчиненные части с уступительным значением, тем самым высказываемое положение предстает как непреложное независимо от наличия ограничивающих условий или препятствующих обстоятельств:

- (33) *Макар и свински, грипът си е грип.* — «Пусть и свиной, но грипп есть грипп»;
(34) *Макар и демократично, робството си е робство.* — «Хоть и демократическое, но рабство остается рабством»;

⁵ Подробнее об эвиденциальной системе болгарского языка см., напр.: [Макарцев 2014: 62–102].

- (35) *Не си виновен, ама белята си е беля!* — «Ты не виноват (ср.: Пусть ты не виноват), но провал есть провал».

Указанная семантическая специфика объясняет частое включение в формулу *X си е X* (или в ее ближайший контекст) различных **маркеров**, указывающих на необусловленность, неотменимость суждения и завершение темы обсуждения:

- маркеры необусловленности (*независимо от* 'независимо от', *няма значение* 'не имеет значения', *все едно* 'все равно', *все пак* 'все-таки', 'все же'):

(36) *Дългът си е дълг, независимо от всичко останало.* — «Долг есть долг, независимо от всего остального»;

(37) *Драката си е драка* — *няма значение в кой век живее.* — «Задира есть задира, не имеет значения, в каком веке он живет»;

(38) *Ала все пак войната си е война.* — «А все же война есть война»;

- маркеры резюмирования и исчерпанности аргумента (в *края на краищата* 'в конце концов', в *крайна сметка* 'в конечном счете', и *толкова* 'и всё (тут)', *няма какво да говорим* 'не о чем говорить' и др.):

(39) *В края на краищата съдбата си е съдба.* — «В конце концов, судьба есть судьба»;

(40) *За стрелеца няма какво да говорим* — *войникът си е войник.* — «О стрелке что и говорить — солдат есть солдат»;

(41) *Седмицата е седмица, има седем дена и толкова.* — «Неделя — это неделя, в ней семь дней, и всё тут»;

- маркеры апелляции к общему знанию собеседников (*нали (така)* 'так ведь', 'не так ли'): (42) *Какво значение има! Инфарктът си е инфаркт, нали така?* — «Какая разница! Инфаркт есть инфаркт, не так ли?»; а также показатели конвенционализированного знания, такие как вводные обороты, указывающие на общеизвестную информацию (*както се казва* 'как говорят', *вярно казват* 'не зря говорят'):

(43) *Но, както се казва, чуждото си е чуждо, но своето не давам.* — «Но, как говорится, чужое есть чужое, но свое я не отдам»;

(44) *Въпреки всичко лицето на шефа му беше образец на хладнокръвие <...>. Вярно казват — школата си е школа!* — «Несмотря ни на что, лицо шефа было образцом хладнокровия <...>. Не зря говорят: школа есть школа!»

2.1.4. Дискурсивные характеристики

Конструкция *X си е X* встречается преимущественно в диалогических единствах, в реактивном регистре речи, представляя собой реплику-реакцию на стимулирующее высказывание собеседника:

- (45) — *Аз съм специалист. Имам златни ръце. По два цветни телевизора да поправам на ден, пак ще печеля повече от твоя вуйчо. <...> — И все пак университетът си е университет!* — *каза неохотно младежът.* — *Само с хляб не се*

живее. — «— Я специалист. У меня золотые руки. Даже если по два цветных телевизора в день буду ремонтировать, все равно буду зарабатывать побольше твоего дяди. — И все-таки университет есть университет! — сказал неохотно юноша. — Не хлебом единым жив человек».

В более редких монологических контекстах модель *X си е X* выступает в нарративе 1-го или 3-го лица, ср., напр., примеры (32) и (28). Использование тавтологий с *си* при передаче суждений других персонажей дополнительно маркируется указанием на источник информации, как в примере (46), и/или несвидетельскими формами, как в примере (47), где в контексте глагола речевого действия *вика* представлено пересказывательное настоящее связочного глагола:

- (46) *Хохари казва, че създаването си е създаване* — *отвърна Даг*. — «Хохари говорит, что созидание есть созидание — ответил Даг»;
- (47) *Казах му, че това не е честно. <...> Но той ми вика, че уговорката си била уговорка*. — «Я сказал ему, что это нечестно. А он мне говорит, что мол, договоренность есть договоренность».

2.2. *X е X*

2.2.1. Форма глагольного компонента

В модели без *си* корпусный материал не выявил ограничений на парадигматическое варьирование связки. Притом что настоящее расширенное и здесь является наиболее частотной темпоральной формой (см., напр., все примеры из раздела 1.2), значительно более активен, чем в первой модели, имперфект (12,6%), причем не только в ретроспективном значении (нарративное прошедшее, см. пример (48)), но и в значении обычного прошедшего, имеющего определенную временную локализацию (пример (49)):

- (48) *Обърна се. Стаята беше стая* — *просторна, уютная*. — «Он обернулся. Комната как комната — просторная, уютная»;
- (49) *Изкарвах по петдесет долара на нощ, луди мангизи, през 1923, когато доларът беше долар, а една хубава вечеря струваше двайсет и пет цента!* — «Я зарабатывал по пятьдесят долларов за ночь, сумасшедшие деньги, в 1923-м, когда доллар был долларом, а хороший ужин стоил двадцать пять центов!»

В модели *X е X* отсутствуют ограничения на употребление времен будущего плана:

- (50) [*Това*] *означава, че във включената в полупансиона ти вечеря картофената крем-супа ще е истинска, шницелът ще е шницел, а штурделът штурдел*. — «Это означает, что на ужине, включенном в твой полупансион, картофельный суп-пюре будет настоящим, шницель будет шницелем, а штурдель — штурделем».

Основная часть форм будущего плана приходится на такие обуславливающие контексты, где тавтологическая формула выступает в аподозисе условного предложения, в том числе когда условие при нем задано в свернутом виде (напр., *без него, без смъртта* в примерах (52), (54)). Здесь представлены формы как будущего вре-

мени (пример (54)), так и будущего в прошедшем (примеры (51)–(52)), регулярно оформляющие в болгарском языке главную часть условных предложений. Обратим внимание, что в нашей выборке в этом контексте встретились лишь отрицательные формы, указывающие, что в отсутствие приведенного условия ситуация нереализуема:

- (51) *Шпионинът нямаше да бъде шпионин, ако не го беше забелязал и записал в ума си.* — «Шпион не был бы шпионом, если бы не заметил этого и не зафиксировал бы себе в уме»;
- (52) *С течение на времето щяха да напълнят бюфета със сервизи и кристал, без него къщата нямаше да бъде къща, нито семейството — семейство.* — «Со временем они бы заполнили сервант сервизами и хрусталем, без него дом не был бы домом и семья — семьей».

Ренарративные формы (6 примеров пересказывательного настоящего / имперфекта *X си бил X*) употребляются в тех же условиях, что и при первой модели.

Дистрибуция форм в обеих моделях показана в табл. 3. Представлены только те глагольные формы, для которых имеется хотя бы одно вхождение в любом из вариантов формулы. Обратим внимание на полное отсутствие такой частотной для болгарского языка формы, как перфект. Ограничение на его употребление в обоих вариантах конструкции можно объяснить неактуализированностью высказываемого суждения, его непривязанностью к конкретной ситуации. Напомним, что толкование обеих тавтологических формул требует обращения к ингерентным, непреходящим признакам *X*-а как представителя класса одноименных объектов.

Таблица 3. Формы связочного глагола в формулах *X си е X* и *X е X*

Глагольные формы		X си е X		X е X		
Время	Конструкция	Число употреблений	%	Число употреблений	%	
Настоящее	<i>X (си) е X</i>	4706	94,97	714	82,54	
Имперфект	<i>X (си) беше/бе X</i>	243	4,90	109	12,6	
Времена будущего плана	Будущее	<i>X ще (си) е X</i>	1	0,02	8	0,92
		<i>X няма да (си) е X</i>	0			
	Будущее в прошедшем	<i>X щеше да (си) е/бъде X</i>	1	0,02	36	0
		<i>X нямаше да (си) е/бъде X</i>	0	0		
Ренарративные формы	Пересказывательное настоящее / имперфект <i>X (си) бил X</i>	4	0,08	6	0,69	
ВСЕГО		4955	100	865	100	

2.2.2. Утвердительный/неутвердительный статус пропозиции

Для модели $X \text{ e } X$ отсутствуют ограничения на неутвердительные высказывания. Так, в примерах (53), (54) и (55) представлены отрицательные реализации модели $X \text{ e } X$, оформленные типичными для болгарского языка средствами выражения отрицания: соответственно частицей *не*, отрицательной частицей *няма* в составе будущего времени и союзом *ни... нито* ('ни... ни'):

- (53) *Властта не е власт, ако периодично не демонстрира силата си.* — «Власть не власть, если периодически не показывает свою силу»;
- (54) *Без смъртта животът няма да е живот.* — «Без смерти жизнь не будет жизнью»;
- (55) *Но в бягството и търсенето се породил жанрово смесение, в което нито филологията е филология, нито политиката — политика.* — «Но бегство и поиск породили жанровое смешение, в котором филология уже не филология, и политика — не политика (букв.: ни филология — [настоящая] филология, ни политика — [настоящая] политика)»;

Возможны и вопросительные предложения: (56) *Кога човекът е човек?* — «Когда человек является [действительно] человеком?»; в том числе вопросы, выражающие сомнение:

- (57) *А нима човекът е човек, щом не е в състояние да нападне? Та нали все с нападения се е хранил и все средства за нападение е измислял — от каменната брадва и копието до ядрените бомби...* — «Разве остается человек человеком, если он не в состоянии нападать? Ведь все только нападениями и подпитывался и всё изобретал средства для нападения — от каменного топора и копья до ядерных бомб».

Как вопрос, так и отрицание позволяют выявить модальный компонент 'должный, настоящий, действительный', входящий в значение этой модели.

2.2.3. Включенность/невключенность в обуславливающие связи

Модель $X \text{ e } X$ легко вступает в отношения логической обусловленности. Для нее разрешены все те синтаксические контексты, которые запрещены для модели $X \text{ си } X$. Так, допускаются:

- 1) мотивирующий контекст:

- (58) *...Елитът е елит не защото носи на китката си «Ролекс», а защото трябва да може да обедини и поведе нацията към същностна цел.* — «Элита является элитой не потому, что носит на запястье "Ролекс", а потому, что должна уметь объединить и повести нацию к важной цели»;

- 2) введение ограничивающих или сопутствующих условий, как в примерах (53)–(54). Такие обуславливающие контексты крайне характерны для варианта $X \text{ e } X$, так как в них эксплицируются условия, необходимые для определенной таксономической квалификации объекта, т.е. 'X может

быть отнесен / остается членом категории *X* при определенных условиях'. Основные разновидности синтаксических конструкций с обуславливающим значением, в которые втягивается модель *X e X*, таковы:

- *X e X (само), ако...:* (59) *Договорът е договор само ако го спазват и двете страни.* — «Договор является договором, только если обе стороны его придерживаются»;
- *X e X (тогава), когато...:*
 - (60) *Свободата е свобода тогава, когато не ограничава правата на хората покрай теб.* — «Свобода является свободой тогда, когда не ограничивает права людей вокруг тебя»;
 - (61) *Театърът е театър, когато може да накара зрителя да забрави, че гледа игра...* — «Театр является театром, когда может заставить зрителя забыть, что тот смотрит игру»;
- *X e X (само) дотолкова, доколкото...:* (62) *Художникът е художник само дотолкова, доколкото позволява творчеството.* — «Художник является художником лишь настолько, насколько позволяет творчество».

В целом активность модели *X e X* в контекстах обоснования и условия свидетельствует о ее большей субъективной обусловленности в сравнении с моделью *X си e X*, ориентированной на общее, конвенционализированное знание, общее положение дел.

По этой характеристике модель *X e X* тоже противопоставлена модели *X си e X*, потому что в последней наблюдается, наоборот, устранение показателей субъективности. Такое действие оказывает частица *си*, одной из функций которой в болгарском языке является как раз «элиминация субъективности», индикативность, характерная для высказываний с обобщающим или оценочным значением [Иванова, Петрова 2017: 95].

2.2.4. Дискурсивные характеристики

Что касается включенности в дискурс, то модель *X e X* одинаково активна как в диалогических (пример (63)), так и разного типа монологических контекстах (пример (64)):

- (63) — *По-действена, силна и изобретателна ли е женската любов от мъжката? <...> — Не, любовта е любов, не я разделям на мъжка и женска! — «— Женская любовь более действенная, более сильная и изобретательная, чем мужская? — Нет, любовь — это любовь, я ее не разделяю на мужскую и женскую!»;*
- (64) *Свършено необходими са само олтарът и средната част — без тях храмът не е храм.* — «Совершенно необходимы лишь алтарь и средняя часть: без них храм не храм».

Четкой типологии контекстов употребления, кроме перечисленных выше синтаксических условий, для данных тавтологий установить не удастся.

Выводы

Анализ взаимодействия структурного и семантико-прагматического уровней организации тавтологий дает основания говорить о наличии в болгарском языке двух реализаций биноминативной конструкции вида *X copula X*: модели *X si e X* и модели *X e X*.

Модель *X si e X* является несвободной конструкцией, обладающей общим значением 'непреложность категориальных признаков объекта *X* вне всякого условия', порождающим в речи разнообразные имплицитные смыслы. Это значение реализуется за счет синтаксической структуры и ее обязательного компонента — модальной частицы *si*. Именно частица *si* в данной формуле кодирует значение очевидности, «неоспоримой истины», составляющее логическую основу тавтологической формулы *X copula X*. Не случайно в славянской лингвистической традиции данные конструкции изучались как феномен синтаксической фразеологии, в ряду фразеологизированных построений, иначе именуемых также синтаксическими фразеологизмами, фразеосхемами, фразеомоделями [Янко-Триницкая 1967; Ничева 1982; Николина 1984].

Анализ корпусных данных показал, что данная конструкция (*X si e X*) отличается значительно большей степенью воспроизводимости. При этом высокая воспроизводимость коррелирует с высокой степенью клишированности и, вообще говоря, ограничивается довольно узким набором лексики. Тавтологии, включающие имена с наиболее устойчивой ассоциативной базой, чаще других воспроизводятся в речи, и их контекстная обусловленность варьирует в соответствии с шириной и открытостью ассоциативно-признакового кластера. В то же время тавтологии низкой частотности (от 10 до одного употребления) составляют почти половину корпуса (48,4%); это свидетельствует о том, что *X si e X* является продуктивной синтаксически связанной конструкцией.

В случае с моделью *X e X* мы имеем дело со свободной конструкцией, по которой строятся предложения таксономической характеристики с тождественными лексическими компонентами. Это составляет существенное отличие данной модели от тавтологий вида *X si e X*, где определенная категориальная принадлежность *X*-а входит в пресуппозицию высказывания.

Для конструкции *X si e X* существенной оказывается опора на общее знание, а во второй (*X e X*) говорящий апеллирует к словарному толкованию *X*. К аналогичному выводу приходят и авторы статьи, где проанализированы русские формулы *X есть X* и *X это X* [Вилинбахова, Копотев 2017: 119–120]. Так что болгарская конструкция *X si e X* в семантико-прагматическом отношении обнаруживает общие черты с русской *X есть X*, а болгарская модель *X e X* — с русской *X это X*. Тем не менее прямых соответствий между этими парами конструкций, как показывают переводы примеров в данной работе, не наблюдается. Так, болгарская модель *X e X* может быть соотнесена с такими русскими тавтологическими вариантами, как *X является X-ом*; *X не X, если...*; *X только тогда X, когда...*; *X как X* и др. Установление межъязыковых параллелей между наборами болгарских и русских тавтологических вариантов требует отдельного сопоставительного исследования.

Литература

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова. В кн.: Апресян Ю. Д. *Избранные труды*: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 156–178.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.
- Вилинбахова 2016 — Вилинбахова Е. Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке. *Вопросы языкознания*. 2016, 2: 61–74.
- Вилинбахова, Копотев 2017 — Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии. *Вопросы языкознания*. 2017, 3: 110–124.
- Грайс 1985 — Грайс Г. П. Логика и речевое общение. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Иванова, Петрова 2017 — Иванова Е. Ю., Петрова Г. М. Болгарские возвратные клитики *се* и *си*: омонимия, полисемия, синтаксис. *Вопросы языкознания*. 2017, 1: 74–104.
- Иевлева 2002 — Иевлева М. Х. *Базисные концепты ментального мира человека (на материале тавтологий типа «Жизнь есть жизнь»)*. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2002. 139 с.
- Ковалева 2010 — Ковалева Л. М. Прагматика квазитавтологических предложений. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология, языковедение*. 2010, 1 (9): 162–166.
- Лазарева 2017 — Лазарева В. А. *Имя собственное: проблемы референции*. М.: Индрик, 2017. 264 с.
- Лазарева 2019 — Лазарева В. А. Стереотипное знание в контексте тавтологий вида *X си е X*. В кн.: *Стереотипът в славянските езици, литератури и култури. Сборник с доклади от Четиринадесетите международни славистични четения. София, 26–28 април 2018. Т. 1. Езикознание*. София: Св. Климент Охридски, 2019 (в печати).
- Макарцев 2014 — Макарцев М. М. *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. М.: СПб.: Нестор-История, 2014. 443 с.
- Николина 1984 — Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь». В кн.: *Предложение как многоаспектная единица языка*. Бабайцева В. В. (ред.). М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1984. С. 38–46.
- Ничева 1982 — Ничева К. Фразеосхеми (фразеологизирани конструкции) в българския език. *Език и литература*. 1982, 5: 29–44.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
- Тулина 1970 — Тулина Т. А. Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке. В кн.: *Исследования по современному русскому языку*. Ломтев Т. П. (ред.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 241–256.
- Шмелев 1960 — Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке. *Вопросы языкознания*. 1960, 5: 47–60.
- Янко-Триницкая 1967 — Янко-Триницкая Н. А. Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами. *Русский язык в школе*. 1967, 2: 87–93.
- Autenrieth 1997 — Autenrieth T. Tautologien sind Tautologien. In: *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte*. Rolf E. (ed.). Serie: Linguistische Berichte. Sonderhefte 8. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. S. 12–32.
- Bulhof, Gimbel 2001 — Bulhof J., Gimbel S. Deep tautologies. *Pragmatics & Cognition*. 2001, 9: 279–291.
- Farghal 1992 — Farghal M. Colloquial jordanian arabic tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1992, 17: 223–240.
- Fraser 1988 — Fraser B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1988, 12: 215–220.
- Gibbs, McCarrell 1990 — Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1990, 2 (19): 125–145.
- Hoidas, Galani 2012 — Hoidas S., Galani M. Nominal tautologies as availability heuristics. In: *Cognitive modeling in linguistics*. Polyakov V., Solovyev V. (eds.). Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 3–11.

- Levinson 1983 — Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. xvi, 420 p.
- Meibauer 2008 — Meibauer J. Tautology as presumptive meaning. *Pragmatics and Cognition*. 2008, 16: 439–470.
- Miki 1996 — Miki E. Evocation and tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1996, 25: 635–648.
- Rhodes 2009 — Rhodes R. *A cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English*. https://pdfs.semanticscholar.org/afc4/5668665b4ce2f18795acbc1b06d0f3393dce.pdf?_ga=2.126977485.1987584157.1572518695-596905690.1572518695** (дата обращения: 11.07.2017).
- Ward, Hirschberg 1991 — Ward G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. *Journal of Pragmatics*. 1991, 15: 507–520.
- Wierzbicka 1987 — Wierzbicka A. Boys will be boys: ‘radical semantics’ vs. ‘radical pragmatics’. *Language*. 1987, 63 (1): 95–114.
- Wierzbicka 1991 — Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. xiii, 502 p.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2019 г.
Статья рекомендована в печать 23 сентября 2019 г.

Viktoria A. Lazareva

University of Salerno,
132, Via Giovanni Paolo II, Fisciano (SA), 84084, Italia
vlazareva@unisa.it

Elena Yu. Ivanova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
e.y.ivanova@spbu.ru

Tautologies *X copula X* in Bulgarian: Vocabulary, grammar, variation (a corpus-based investigation)

For citation: Lazareva V. A., Ivanova E. Yu. Tautologies *X copula X* in Bulgarian: Vocabulary, grammar, variation (a corpus-based investigation). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (4): 576–598. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.403> (In Russian)

The present article investigates the Bulgarian tautologies *X si e X* and *X e X* on the basis of the Bulgarian National Corpus. The main purpose of this paper is: 1) to examine the lexical features of the binominative tautologies (noun type); 2) to determine the correlation between the noun type and semantic interpretation of tautologies; 3) to determine the role of the modal participle *si* in the tautological pattern. In the course of the analysis we compared the Bulgarian nominal tautological patterns *X si e X* and *X e X* in terms of their lexical, semantic, grammatical, syntactic and *discursive* peculiarity. The paper argues that these tautological patterns are to be distinguished. We affirm that in the patterns such as *X si e X* the particle *si* assumes the role of epistemic modality marker, emphasizing the certitude or incontestability of the judgement, which is an essential feature of the tautology *X copula X* in different languages. Moreover, this pattern is characterised by considerably larger replicability based on a certain degree of idiomaticity. Conversely, the pattern *X e X* is rather a freely formed construction serving as a model for utterances of the taxonomic characterization type with identical lexical components.

Keywords: tautologies, lexical semantics, modal particle, corpus investigation, Bulgarian.

References

- Апресян 1995 — Apresian Iu. D. Connotation as a part of word's pragmatics. In: Apresian Iu. D. *Izbrannye trudy*: in 2 vols. Vol. 2: Integral'noe opisaniye iazyka i sistemnaia leksikografia. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. P. 156–178. (In Russian)
- Булыгина, Шмелев 1997 — Bulygina T. V., Shmelev A. D. Language conceptualization of the world (on the material of Russian grammar). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 574 p. (In Russian)
- Вилинбахова 2016 — Vilinbakhova E. L. Comparison of tautology in Russian. *Topics in the Study of Language*. 2016, 2: 61–74. (In Russian)
- Вилинбахова, Копотев 2017 — Vilinbakhova E. L., Kopotev M. V. Does “X is X” mean “X — that is X”? Searching the answer in synchrony and diachrony. *Topics in the Study of Language*. 2017, 3: 110–124. (In Russian)
- Грайс 1985 — Grice H. P. Logic and speech communication. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vol. 16. Moscow: Progress Publ., 1985. P. 217–237. (In Russian)
- Иванова, Петрова 2017 — Ivanova E. Yu., Petrova G. M. Bulgarian reflexive clitics *se* and *si*: homonymy, polysemy, syntax. *Topics in the Study of Language*. 2017, 1: 74–104. (In Russian)
- Иевлева 2002 — Ievleva M. Kh. Basic concepts of a human mental world (based on tautology like “Life is a life”). Ufa: Bashkir State University Publ., 2002. 139 p. (In Russian)
- Ковалева 2010 — Kovaleva L. M. Pragmatics of quasitautological sentences. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Series: Philology, linguistics*. 2010, 1 (9): 162–166. (In Russian)
- Лазарева 2017 — Lazareva V. A. *Proper names: problem of reference*. Moscow: Indrik Publ., 2017. 264 p. (In Russian)
- Лазарева 2019 — Lazareva V. A. Stereotypical knowledge in context of tautology like *X is X*. In: *Stereotip“t v slavianskite ezitsi, literaturi i kulturi. Sbornik s dokladi na chetirinadesete mezhdunarodni slavistichni cheteniia. Sofiia, 26–28 april 2018*. Vol. I 1. Ezikoznanie. Sofia: St. Kliment Okhridski Publ., 2018 (in print). (In Russian)
- Макарцев 2014 — Makartsev M. M. Evidentiality in the space of the Balkan text. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2014. 443 p. (In Russian)
- Николина 1984 — Nikolina N. A. Structural-semantic particularities of sentences like “Life is a life.” In: *Predlozhenie kak mnogoaspektnaia edinitsa iazyka*. Babaitseva V. V. (ed.). Moscow: Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin Publ., 1984. P. 38–46. (In Russian)
- Ничева 1982 — Nicheva K. Phraseoschemes (phraseological constructions) in Bulgarian. *Language and literature*. 1982, 5: 29–44. (In Bulgarian)
- Падучева 2004 — Paducheva E. V. *Dynamic models in lexical semantics*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 607 p. (In Russian)
- Тулина 1970 — Tulina T. A. Types of sentences with tautology of main elements in Russian. In: *Issledovaniia po sovremennomu russkomu iazyku*. Lomtev T. P. (ed.). Moscow: Moscow University Press, 1970. P. 241–256. (In Russian)
- Шмелев 1960 — Shmelev D. N. About “linked” syntactic constructions in Russian. *Topics in the Study of Language*. 1960, 5: 47–60. (In Russian)
- Янко-Триницкая 1967 — Ianko-Trinitaskaia N. A. Syntactic phraseologisms with lexical repeatings. *Russian Language at School*. 1967, 2: 87–93. (In Russian)
- Autenrieth 1997 — Autenrieth T. Tautologien sind Tautologien. In: *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte*. Rolf E. (ed.). Serie: Linguistische Berichte. Sonderhefte 8. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. S. 12–32.
- Bulhof, Gimbel 2001 — Bulhof J., Gimbel S. Deep tautologies. *Pragmatics & Cognition*. 2001, 9: 279–291.
- Farghal 1992 — Farghal M. Colloquial jordanian arabic tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1992, 17: 223–240.
- Fraser 1988 — Fraser B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1988, 12: 215–220.
- Gibbs, McCarrell 1990 — Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1990, 2 (19): 125–145.
- Hoidas, Galani 2012 — Hoidas S., Galani M. Nominal tautologies as availability heuristics. In: *Cognitive modeling in linguistics*. Polyakov V., Solovyev V. (eds.). Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 3–11.

- Levinson 1983 — Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. xvi, 420 p.
- Meibauer 2008 — Meibauer J. Tautology as presumptive meaning. *Pragmatics and Cognition*. 2008, 16: 439–470.
- Miki 1996 — Miki E. Evocation and tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1996, 25: 635–648.
- Rhodes 2009 — Rhodes R. *A cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English*. https://pdfs.semanticscholar.org/afc4/5668665b4ce2f18795acbc1b06d0f3393dce.pdf?_ga=2.126977485.1987584157.1572518695-596905690.1572518695** (access date: 11.07.2017).
- Ward, Hirschberg 1991 — Ward G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. *Journal of Pragmatics*. 1991, 15: 507–520.
- Wierzbicka 1987 — Wierzbicka A. Boys will be boys: ‘radical semantics’ vs. ‘radical pragmatics’. *Language*. 1987, 63 (1): 95–114.
- Wierzbicka 1991 — Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. xiii, 502 p.

Received: March 6, 2019

Accepted: September 23, 2019